

ИНТЕРВЬЮ с ЯРОШЕНКО АЛЕКСАНДРОМ ГАВРИЛОВИЧЕМ

7-8 декабря 1991

Ярошенко - Сонечка, я буду рассказывать как на духу, со всеми мелочами, которые я, в общем-то, очень помню. С Мишенькой /Красильниковым -С.Ч./ я познакомился -он пришёл на этап, и уже в зоне был. То есть, когда он пришёл, я уже сидел в зоне. В этом этапе, если я не ошибаюсь, был и Лесоправский некто. Фигура очень нелюбопытная, хотя мне он был до определённой степени дорог - сын одного из известных киевских тренеров по боксу. Я не думаю, что этот человек заслуживает внимания, кроме того, что он был в ту пору киевлянином и мне было отрадно его встретить. В этом же этапе пришёл Миха. Хотя Миха сел раньше меня. С Михой я сначала не сконтактовался, то есть, никак. Он прошёл мимо меня, я видел эту высокую фигуру, очень красивую фигуру, я обращал внимание всегда на красивых, и после этого я сидел, я не помню, я был, по-моему, в первом бараке. И вот, сижу я в первом бараке и рассуждаю с какими-то ребятами на предмет того, что в "Вечерней Москве", там были опубликованы фотографии с первой американской выставки, какой-то парк и там скульптуры. Все ребята, все политзэки ругают эти фотографии. Я говорю: "а чего мы ругаем, там же не глупее нас люди, наверное, что-то в этом есть. Я тоже в этом ничего не понимаю, но наверное что-то в этом есть". С полки с верхней, с верхних нар сползает некто Чертков и говорит: "парень, иди сюда, ты где-то учился?" Я говорю: "Да."

- А как его звали?

Ярошенко - Леонид Наташевич. Это очень дорогой товарищ нам. Вот, он сползает, меня вызывает, мы с ним там беседуем: "Где ты учился?" "Я нигде не учился, я военный специалист. Это всё такое, неинтересно, где я учился, а какое отношения к искусству - никакого отношения к искусству не имею. И вообще в этом ничего не понимаю." Он меня познакомил с Мишой Красильниковым. А они уже сошлись. Потому что

тот интеллектуал, и Миша. Они быстро сошлись. У меня даже такое впечатление, что даже такая связь, не визуальная, а какая-то аудио, скажем, связь, у них была. Если это можно назвать аудиосвязью, на расстоянии. И после этого организовалась такая группка, а там были центрофуры. Потом у нас была группа большая и их называли "эстеты".

- А кто туда входил?

Ярошенко - Туда входили Марат Чешков, Никита Кривошеин, Фельдман и Порташников к этой группе какое-то имели отношение, а потом их называли: "выжатые лимоны".

- А Обушенков?

Ярошенко - Нет, это была особая группа, те были коммунисты. Обушенков, Простаков, Рендель, Меньшиков, но этого я меньше знал, с ним как-то контакт не очень здоровый был, а тех я знал хорошо. И был Марк, фамилию я забыл, я его очень хорошо... мы с ним в прошлый раз встретились, он живёт в России, еврей, такой замечательный парень, хоккеист, крепкий хлопец. Потом с какими-то событиями мы разделились. Разделились на три группы. Были центрофуры. Это Миша Красильников, Чертков и я, примкнувший к ним, я вообще мальчишка был, я младше их лет на пять. 1933-го года Миша Красильников, а я 1938 года. Я был боевым мальчиком таким, злым - чай приготовить успею, работаю. Что касается Лёни Черткова, я любил этих двоих, у них была единственность, они друг с другом разговаривали очень внимательно. Они спорили, не спорили, но в общем. И Никита Кривошеин был постоянно среди нас. Никита Кривошеин был одной из уважаемых фигур. Кроме того... А! Среди этих эстетов были ещё Порташников и Фельдман. Эти в Израиле живут. Всё это происходило на II л/п, хотя познакомился с Мишой я ещё на седьмом. До забастовки. Во время забастовки нас перекинули на пятый.

- Что это была за забастовка?

Ярошенко - Забастовка началась с ерунды. Началось с того, что у нас были деньги какие-то, мы эти деньги могли отоварить элементарно.

Как могли. И нам позволялось иметь какие-то деньги. Но вдруг ввели боны. То есть, деньги нам перестали давать, деньги пошли на лавку и там по определённой сумме можно было что-то получить. Причины для забастовки были, наверное, какие-то другие. Я лично в забастовке не функционировал, я был просто человек, который поддерживал забастовку, но занимался своими делами. Красильников был в примерно той же ситуации, что и я. Забастовкой занимались Лупинас Анатолий, он 23 года отсидел при коммунистах и два месяца при демократах. Вышел он три недели тому назад от демократов; Гидони, я понятия не имею, где он сейчас, Саша Гидони, точно, Саша Гидони. Лазарянц, такой был мальчик любопытный, молодой, моего возраста, тоже имел отношение к забастовке, ещё какие-то люди, я не помню. Что касается нашей группы, то едва ли мы имели непосредственное отношение к забастовке. Но нас всё равно, поскольку мы не были приятны начальству и видно было, что мы... Там у Миши была любопытная история. Генерал Бочков, усмирявший когда-то восстание танками где-то на Севере, приехал усмирять нас. И вот у нас там деревянные тротуары были. Идёт Миша, длинный, высокий, в этой робе, и у него ложка торчит, но деревянная. Деревянная ложка у Михи торчит, у всех железная, а у него деревянная. Изучает его генерал Бочков, там ещё пара человек было и говорит, так подошёл к нему, вынул ложку: "У Вас деревянная, Вы, видимо, русский человек". Миша: "Да, русский." В принципе, это так, эпизод. Это не имело никакого...

Потом нас отправили на штрафняк. На штрафняке мы жили достаточно прилично. Единственно, там что было...

- За что вас туда?

Ярошенко - За участие в забастовке. Тех, кто не похож был на лояльных, всех собирали в кучу и отправили. Кстати, среди нас на штрафняк поехал некто Аксёнов. Аксёнов? У меня есть эти фамилии, я уже по памяти забываю. Это был человек из Киева, он кончал киевское ВВС.

Потом он под Харьковом в Чугуево учился. За что он сел, я не хорошо знаю, но дело вот в чём, что когда (пошёл слух, я не отвечаю за это) тех, кто в побег собирался, разоблачили...

- Кто в побег собирался?

Ярошенко - Там группа в основном блатных. То есть, они политические, но получили политические статьи в лагере. Ни одной фамилии собиравшихся в побег я не помню, хотя в лицо я помню многих из них, но фамилии ни одной, поскольку не контактировал с ними. Значит, не Аксёнов, а Аксютин, Женя Аксютин. Любопытный, кстати, поэт. Оратор, поэт. Рассказывал мне, что он сел тоже за венгерские события, но там не совмешалось. И за что он сел, я не знаю. Могу только сказать одно. Это неприятная штучка. Но он мне показывал открытку, присланную его женой, на которой было написано "хорошо, когда собака друг, но плохо, когда друг - собака". Аксютин по своему объяснял мне всё это, я к нему очень хорошо относился, лично у меня к нему кроме уважения ничего нету. Если всё то, что говорили неправда, то я буду счастлив с ним когда-нибудь встретиться. А если правда, что он сдал этих ребят... Но почему я полагаю, что смысл есть думать, что это правда. Дело в том, что когда мы выходили из зоны на штрафняк. Колонна. Фадкин, начальник зоны, сказал: "Аксютин /он стоял рядом со мной/, я его был друг самый близкий/, Аксютин, а Вы-то почему идёте на зону?" И он сказал твёрдо: "Я иду на зону". То есть, на штрафную зону. Все знают, что на штрафную зону. Обнял меня и сказал: "Я иду". Обнял меня, а я ниже его на голову, на полголовы по меньшей мере был. С нами были Мариан, такой любопытнейший человек.

- Борис Мариан?

Ярошенко - Совершенно справедливо. Он стал - это второй самый близкий мне человек. Он в Молдавии живёт, он был у меня недели две-три тому назад, он должен быть здесь, во всяком случае, это он мне сообщил о том, что это будет.

- Вы не получили наше приглашение?

Ярошенко - Я не получил. Я приехал исключительно по сведениям. И вообще. Сонечка, конечно, я не промахать сюда бы не мог, но настолько удачно это получилось, что 9-го числа у Миши день рождения. 7-го, 8-го я здесь, девятого там.

Да, а в зоне Миша Красильников и Лёня Чертков сделали два сборника, но это на II-том было. Один называется "Тroe", а другой "Пятиречье". Они у Миши хранились в течение двадцати лет и Миша сказал мне и я тоже решил их напечатать, потому что это рукописные сборники, это реквизиты и когда, где, как изданы! Всё это рукописное. Первый сборник каждый писал своей рукой, свои стихи, а я рисовал.

- Скажите пожалуйста поподробнее об этом. Кому это пришло в голову? Когда?

Ярошенко - Лёня Чертков. Лёня Чертков редактор и главный вдохновитель этих сборников.

- А в каком году это было?

Ярошенко - Декабрь 1958-го и где-то апрель 1959 года. Первый, "Тroe" это 1958, там Ярошенко (извините, что я называю свою фамилию первой) - там так: Миша Красильников, Чертков, Ярошенко. Ярошенко ещё и оформитель, художник.

- Какое у Вас полное имя?

Ярошенко - Александр Гаврилович. Этот сборник мы делали так - каждый писал своей рукой. А второй сборник, который на мой взгляд, достаточно корректный, потому что первый, он такой, эфемерный, сумасшедший, а второй достаточно уже собранный. Лёня достаточно жестко следил. Стихи у меня практически все эти есть. Стихи. Но стихи, это мало: надо их видеть. Они очень важны. Как они сделаны. Фактура, бумага. Кстати, бумагу нам присыпала мама Лёни Черткова, какие-то альбомы для рисования прислала, мы эти альбомы использовали для

этих сборников. Вывозил я их, кстати... Мы вспарывали чемодан, работали мы там с казеиновым kleem, заклеивал я их, клеили фотографии красивых девочек на обложки, мусорня это всё легко пропускала. Красивые девочки наклеенные – это можно было. И так я вывез эти два сборника, штук двести фотографий.

– Из лагеря? Вы могли там фотографировать?

Ярошенко – Да, у нас у всех есть лагерные фотографии, кстати, фотографии разрешали вывозить, свои во всяком случае.

– А откуда у Вас был фотоаппарат?

Ярошенко – Фотоаппарата не было, а были люди, которые достаточно лихо стояли перед администрацией, им позволяли что-то зарабатывать, они делали фотографии. Лагерные фотографии есть у многих и это как раз не предмет внимания. Фотографии все вывозили. Просто я вывозил очень много чужих фотографий и очень много писем. В частности, главное – это было два сборника. Я в принципе и запаковывал крышку, чтобы она была плотной, чтобы не чувствовалось провалов. Поэтому запаковал крышку, это мы сделали, потом привёз – на "собачьей площадке" жила семья Чертковых, куда я должен был всё это отвезти. Я Вам расскажу, это такая история, когда я приехал в Москву, я всё равно боялся, я страшно боялся, поэтому я распаковывал, чтобы никто не думал, что я вывез некорректно, несправедливо, не по закону. Так я в парадном, утром, я где-то в пять часов утра приехал в Москву, дождался метро, влетел туда, а было это в сентябре месяце, одиннадцатого сентября я приехал в Москву. Я зашёл в парадную, поднялся туда, взрезал чемодан, вынул то, что мне нужно отдать Чертковой, отдал Чертковым, вроде это всё нормально. Был у них один день, после этого познакомился с Хромовым, может быть, слышали это имя? Хромов Валентин. Он в Москве живёт, замечательный поэт. Стихи его у меня есть. Красовицкий, может слышали, тоже замечательный поэт. И начал я свою тихую жизнь, пока Миша сидел. Потом Миша освободился, потом Лёня освободился. Общались мы систематически легко

и достаточно непринуждённо, пили водку.

- А Вас в каком году арестовали?

Ярошенко - Меня арестовали 22 января 1959, то есть 1957 года.

- И Вы освободились раньше Красильникова?

Ярошенко - Конечно, у меня было три года всего. Я освободился по досрочному освобождению, я работал в зольне. Никита Кривошенин, когда я пошёл в зольню работать, сказал "для дураков закон не писан". А в декабре 1958 года вышел новый закон, когда отменялись так сказать зачёты. А поскольку надо мной висело куча неприятных вещей, я там кого-то ударил, на кого-то кастрюлю одел, побил, у меня там была масса неприятностей, я знал, что меня в конце концов за хулиганство и за нарушение лагерного режима будут судить. Поэтому я решил пойти на эту самую тяжёлую работу. Раньше давали три дня зачётных и литр молока ежедневно, а может поллитра, я не помню. Я молоко получал ведром, приносил ведро, там определённый срок приходил. А Миха, кстати, ужасно любил молоко, и оно нужно было вообще говоря, чтобы Миха напился во всю ивановскую. Миха очень любил молоко. Пошёл я в эту самую зольню.

- Что это за работа?

Ярошенко - Это невероятно тяжёлая работа. Три локомотива стоят, там вырабатывается электричество углём. И зола сбрасывается в поддувало. Бункера, туда сбрасывается зола. Туда обычно брали могучих мужиков, 180-190 ростом и размеры чтобы были. И когда отменили три дня зачётные я чувствовал, что меня посадят снова, я сказал, что иду туда работать. У Волкова в отряде работал, у начальника, кстати, он неплохой хлопец был. Как я делал. Я юркий, маленький, я одевал на себя всю эту амуницию, маска там, комбинезон, ломик. И друзья наверху, /неразб./, Вася Мишутин, такие мои друзья были. Мы договаривались, что я стучу им, они мне бросают ровно столько, что мне нужно. То есть, я не выграбал лопатой, я лопатой тянул.

Но зато изнутри. То есть, туда, где огонь падает. Но бункера длинные, огонь падает не на всё. Я проанализировал и никогда не пользовался водой. Там обычно пользовались водой, наливали. Я без воды, без ничего, насухо, но зато я быстро делал. Я работал два раза по двадцать минут. За это я получал всю норму обеспечения, да ещё и поллитра молока. У меня поэтому всегда было время прибежать в зону, приготовить чай, сварить вермишель. У нас в общем-то нетяжёлая жизнь была.

- Скажите, у Вас было такое "самоуправление", когда з/к могли сами управлять работами?

Ярошенко - У нас такого не было, я прошёл и аварийную бригаду, и кирпичную бригаду, и зольня, это было самое последнее, я обычно работал на самых тяжёлых работах. На самых тяжёлых. Потому что моё хулиганство не давало мне спокойной жизни. То я кого-то ударю, то.. Сейчас расскажу Вам такую историю. По зоне ходит слух, что амнистия будет. Я прихожу к своим друзьям и кричу, что ходят слухи, параша, у нас это называется параша, ложь, что амнистия будет, надо найти человека, который "объявил амнистию". По зоне ходим, по баракам, наконец находим... не могу вспомнить, с Лупинасом ли, или с Гидони, или с Лазарянцем, мы всё-таки отыскали человека, который сказал, что с ним... Мы у всех спрашивали: от кого ты узнал. Нам уже сказали, что с него началось. Мы простыню на шею ему, когда уже поняли, что этот последний, не могу вспомнить, по-моему, с Лазарянцем: "А ну скажи, от кого ты узнал?" Простыню на шею тянем.

" От Кулагина". А, ну тогда всё понятно.

- От кого?

Ярошенко - Кулагин, это опер.

- А тот - стукач?

Ярошенко - Стукач, не стукач - не знаю, назвать стукачом я его тоже не имею права. Просто ему Кулагин сказал: "Хочешь жрать,пусти эту парашу." Назвать его стукачом, нельзя. Это совершенно другое. Про-

вокатор, можно назвать так. И после этого возле радиорепродуктора собралась целая толпа, я взлез на столб, а там такой столб, знаете, столб на столб привязан, вот я на вторую штуку взлез и говорю: "Вы свободы хотите от Ворошилова, вон ваша свобода", показываю на вахту. "Козлы, фашисты, убийцы, мерзавцы". Когда я сползнул с этого столба, это мне говорили ребята, там же достаточно с ножами людей было, что могли бы врезать, а я прошёл, мне спокойно дали дорогу, меня никто и пальцем не тронул. Это насчёт стукачества, таких вот ситуаций. А что касается наших дел - мы жили тихонько, самоуправления не знали, это для меня чуждо. А даже вот Простаков Коля, он работал в библиотеке, наш товарищ, да, он в библиотеке работал - и нет у меня к нему. У меня его фотографии есть. Фотографии могут очень много рассказать. Да и стихов не помешало бы почитать лагерных, которые, в общем, отвечали теме.

- У Вас с собой нет фотографий?

Ярошенко - Нету, ничего, к сожалению, нету. Жили мы вот такой компанией. Я, значит... по-лагерному это страшная штука, шестёрка. По-лагерному это страшно. Вот у Миши и у Лёни, по совести, я... был не шестёрка, я их очень любил, но я у них получил образование. Я был просто мальчиком, который не учился, безграмотным совершенно на зону пришёл. Вышел из зоны, и сразу стал в Киеве, показал себя человеком образованным и знающим что-то, то это благодаря тем двум годам, которые я провёл с Лёней Чертовым и с Мишой Красильниковым. Был у меня такой эпизод, а Миша его категорически отрицает. Однажды я иду и спрашиваю: "Миша, какая разница между символистами и... ещё какое-то там, я не помню конкретно, с какой-то поэтической группировкой, например, акмеистами". И Миша говорит: "Господи, какое убожество!" Миша, правда, это отрицает, но это действительно имело место. После этого я пришёл к Коле Простакову и говорю: "Коля, дай мне что-нибудь почитать, чтобы я знал, что

это такое и день за днём, изо дня в день две недели он мне подсовывал литературу, чтобы я в чём-то разобрался. И спасибо ему, что он мне сказал "какое убожество", я хоть в чём-нибудь разобрался. Ну потом, саоме важное, Никита Кривошенин нас снабжал информацией о Кафке, то есть он просто становился, мы садились и он рассказывал нам то "Метаморфозу", это превращение, то "Америку", то есть, он так детально рассказывал.

- А где это вы сидели?

Ярошенко - А у нас там была чайхана, где мы чай варили и сидели, и пили чай и рассказывали.

- Не в бараке, отдельно?

Ярошенко - Нет, на улице, там кухонька такая была, для самовара, мы сами себе варили, а Мариан был большим поваром, сам умел и меня научил варить и мы делали. Я не хочу сказать, что мы страшно сидели. До 1958 года, до декабря даже на штрафной зоне нам не было плохо. Даже на штрафной зоне. В смысле физическом. Не был нас никто. Порташникова однажды побили. Да и то почему - его взяли то ли с четвёртого, то ли с пятого курса мединститута. Устроили его, естественно, в рабочую зону фельдшером. Я не помню даже кто - Кулагин, или кто-то другой был тогда опером, вызвал его к себе, предложил ему сотрудничать, если он хочет работать врачом. Порташников запустил ему в голову пепельницу или чернильницу, я не знаю, что-то очень тяжёлое. Кулагин, или кто-то там другой его отпустил, а с утра его били. Но слава богу, дело было зимой. Миша стоял рядом со мной и меня держал: "Нельзя, нельзя". Его валенками били. Но это эпизоды. Ну, что было тяжело - помню, Тихий очень тяжело голодал, очень тяжело голодал. Был у нас там такой из украинцев. С другой стороны Сиренко, у меня товарищ в Киеве до сих пор. Он 195 см роста, ему было мало еды, ему тяжело было. Ему нужно больше еды. В конце концов он добился того, что ему давали полуторную порцию. 1956, 57, 58

в смысле материальном не могу сказать, что... То есть, я вообще горжусь временем, которое я провёл в зоне. Для меня вообще ничего счастливее нет, чем зона. Потому что я там узнал во всяком случае, что **почём**. Что касается еды, то я сел из Буч, из-под Киева, а там такая голодовка была! Я там такого повидал. То, что я повидал в 1947 году, то 57-й... Это всё было... Да я впервые шоколад съел в зоне, ананасы впервые в зоне съел.

- Откуда ананасы?

Ярошенко - Посылки. В 1957 разрешались посылки. Вот 57-й год до 1958-го был самый основной для меня. Так что материально я просто не имею права жаловаться. Но когда попадаешь в карцер, то это неприятно, безусловно неприятно. Ненависть была, конечно, жестокая.

- За что Вас посадили?

Ярошенко - У меня посадка вообще достаточно смешная. Я комсомолец был и очень искренне - вообще меня воспитал комсомол. Всему добруму и приличному меня научила коммунистическая партия и комсомол. Они провозглашали порядочность, чистоплотность, искренность. Всё это мне говорили. Я всё это воспринимал за чистую монету.

Там события 1956-57 годов очень сложные, там что-то с Китаем начинается. И вдруг возникает Венгрия - ну как же так! Венгрия. Я был категорически против вмешательства советских войск в Венгрию, потому что я понимал, что если там американцы вмешиваются, то это же империалисты, но мы-то не можем вмешиваться. Было мне семнадцать лет, мне было. Значит, не имеют права вмешиваться. Это меня возмутило. Значит, кто-то не так делает. Более того, 13 января объявили о снижении расценок с 1 января. А я хорошо знал кодекс до этого времени. Расценки можно снижать за две недели до начала месяца. Я пришёл к начальнику и сказал очень просто: "Это же абсурд! Это же нарушение закона. Вы не имеете права объявлять снижение расценок". Я ему прямо сказал, что забастовку я организовывать буду

Я буду организовывать забастовку. И я действительно пошёл по цеху и сказал: "Люди, вы будете, как я вам скажу, на работу приходить, но ничего не делайте, пока я не решу этот вопрос". После этого я получил зарплату, потом пошёл на вторую смену на работу, кто-то уже стукнул; прихожу на работу, уже знали об организации забастовки, кто-то кому-то стукнул. Меня останавливает начальник /?/ Тузиков, говорит: "Вы для чего идёте на работу? Забастовку организовывать? Или Вы пьяны?" Честно говоря, пьяный я всю жизнь. От восторга, от жизни, от водки, но я всегда пьяный. И всегда никого не боялся, всегда был уверен в себе. Я говорю: "Да, пьяный я, Тузиков, но только не мешайте мне работать". Ваше дело охранять, а я работаю на самой серьёзной работе". Это военный завод, а я предъявлял работу военпреду, то есть, это последняя инстанция. Причём аппаратуру опознавания, очень серьёзная секретная работа. Причём вёл я себя абсолютно искренне. Секретная, так секретная, я был комсомольцем. Но когда Тузиков мне тут что-то говорит... А со мной был мой друг Петя Антонюк, такой хлопец. И он нас возмутил! Мы организуем забастовку! Я говорю: "Я Вам не только забастовку тут организую, я Вам тут революцию организую. И вообще – как тут не организовать!! Венгрия. Куда вы лезете? И о какой свободе слова, печати, о какой свободе забастовок вы говорите, если ты меня сейчас упрекаешь в этом?" Вот так мы поговорили и расстались. Он говорит: "На работу я Вас непускаю, Вы будете уволены." Ну и прекрасно. А я и мечтал о том, чтобы уволили меня с этого военного завода. Пошёл в общежитие, а утром... утром меня арестовали. Обвинение: одобрение венгерских событий, попытка организации забастовки, клевета на советскую действительность. А тогда мне он ещё сказал: "Вот, Никита Сергеевич Хрущёв..." . А я ему: "Что мне ваш Н.С.Хрущёв! Не знает, что говорит". Ну так оно и позже оказалось, что он не лепит слов.

Ну, всё-таки о Михе. Миха освободился и кончил университет. Написал блистательный диплом о Маяковском. Пошёл работать.

Сначала он возил поезда, то есть, какие-то концерны перевозил с места на место.

- Почему он не работал по специальности?

Ярошенко - Сначала не мог. Какая специальность - филолог. Что это за специальность для политического! В конце концов он стал работать редактором в геодефизике. Вот такими штуками занимался. Потом Миха женился на Эрне. Она латышка. Удивительной красоты женщина. Удивительной чистоты женщина. Господи, как я её любил. Это удивительный человек. А как она Миху любила! Смерть жены его и подкосила. Эрночка, это была, конечно, и мама, и дочь, и жена. Она всё для него была.

- А у него дети есть?

Ярошенко - К сожалению, нет. Она не могла рожать. Эрночка, конечно, чудесное существо. Господи, какая это чудесная девочка была. Хотя в последнее время у нас были, ещё когда Эрночка была жива, это 1986 год, когда уже началось, мы уже понимали, что всё произойдёт, всё стало ясно. Сроки мы назначали. Я назначал два года, Миха говорил: двадцать лет. Там были..... О! Юлька Шелест!

/Перерыв в записи/

08.I2.I99I.

- Скажите, на сколько Вам сократили срок и точно, когда Вы освободились?

Ярошенко - Освободился я седьмого сентября 1959 года, а должен был освободиться 22 января. Любопытная деталь - у меня дочь родилась 22 января. Я, в каком-то плане, любитель цифр и всяких совпадений. Для меня очень важно 6 августа, очень важный день, Хиросима. Какие-то личные, чрезвычайно важные события. Опять же, рождение второй дочери, 6 августа. Это я просто выискиваю. Вот, должен я был 22

января освободиться, но поскольку я работал действительно на суро-вых работах, то пошли разговорчики, что пора бы Волков, был хороший начальник, лейтенантик, он буквально вслед за мной ушёл из зоны, пошёл в пожарное училище, в общем, ему это не понравилось. Он был, я думаю, с год начальником отряда. Это была бригада электростанции, невероятно тяжёлая работа, просто, я там хитрил очень лихо. Когда мы освободились, устроиться на работу было, конечно, крайне сложно. Но Миха освободился позже. Мы ведь сейчас разговариваем о Михе в основном, а не обо мне. А я пометался, устроиться нигде практически не мог по своей специальности, тем более, у меня военная специальность была, я локационник. Я метался, чёрт знает, что. Миха когда освободился оказался в той же ситуации. И он с Чертковым, я правда, не очень уверен, что они вместе устраивались там, но одно время, опять же работали на севере России, чуть ли не в Калининграде, на пилораме. Потом он устроился, сопровождал в качестве экспедитора вагоны с концернами латышскими. Часто приезжал в Киев. Защищил диссертацию, то есть, защитил диплом, диссертацию он так и не писал. И со временем он устроился работать в бюро путешествий. Рижское. Написал несколько книжечек, путеводителей. И всё время мы с ним контактировали плотненько. Очень плотненько. Потому что я его всегда считал своим учителем, хотя он учителем был жёстким, он чрезвычайно эрудированный человек был. Моё впечатление от зоны было такое, что два самых эрудированных человека были в зоне, это были Миша Красильников и Чертков. Чертков был вообще автомат на память. Женился Миха, жил достаточно лениво. В смысле производства какого-то. То есть, чтобы делать что-то. Кстати, те сборники, стихи, которые мы делали в лагере, мне кажется, что "стены за день держать устали" это уже написано под давлением Черткова. Просто Чертков в течение двух недель всё давил, давил: "Ну, сделай стихотворение". И это

последнее стихотворение, написанное Михой. То есть, после этого он стихов не писал.

- Я попросила его прочесть мне какие-нибудь стихи того периода, но он отказался. Почему?

Ярошенко - Я думаю, он просто не любит сейчас стихи читать. Он с трудом переносит, когда ему читаешь его стихи. Единственно, кого он с большим удовольствием читает из всех своих друзей-поэтов, это Уфлянда. Он очень любит Уфлянда. Он читает его стихи, а своих стихов он абсолютно сейчас не читает, во всяком случае я от него тоже не добиваюсь. Я даже и не пытаюсь. Но у меня практически все его стихи есть. Я ~~хотела~~ Вам их передать и даже не знаю, наверное, Вам фотоплёнку вышло этих двух сборников. /Перерыв в зап./

- Эти сборники читал кто-нибудь, кроме тех, кто их делал?

Ярошенко - Наши друзья многие конечно читали, у меня в Киеве эти сборники знают очень хорошо.

- А в самом лагере?

Ярошенко - А, в лагере очень мало людей читало их, нельзя было.

- Какая была цель их создания?

Ярошенко - Я думаю, это просто деловая активность Лёни. Необходимо было как-то самоутверждаться, что ли, люди были молодые. Лёня 1933 года рождения, Мише столько же. Ну а мне - я вообще ребёнок.

- А Ваши публикации там были какие-нибудь?

Ярошенко - Я рисовал сборники оба. И мои стихи в одном и втором есть. Я Вам говорил, первый, это "Трое", от того, что три человека. Красильников, Чертков, Ярошенко. А второй "Пятиречье" Красильников, Чертков, Ярошенко, Антонюк, мой подельник, с одним стихотворением, замечательнейшим и Кузнецовым, такой был у нас мальчик. Володя Кузнецов, кажется, Володя. Там несколько рассказиков.

Миха женился году, наверное, в 1966. Даже раньше. На латышке. Жил так... Нормально он жил. Для меня он был, например, просто

духовной опорой. Чтобы я особенно читал ему свои стихи, этого не было. Больше у нас были всякие споры. В основном, политика. Это была, безусловно, главная тема наших бесед. И литература. То есть, почему мне были нужны литературные споры – это опять учёба. Я всю жизнь продолжал у него учиться. То есть, мне нужно было его заводить на разговоры о литературе, выслушивать его мнение. Поскольку мне необходимо было острее всё это выяснить... надо сказать, что к счастью своему, пожалуй, я настолько внятно с Мишой ругался, что уже где-то к середине шестидесятых годов я уже был достаточно авторитетным среди киевской литературной молодёжи. Знатоком литературы. И это только благодаря Михе. Потому что попал я в зону абсолютно безграмотным человеком. Абсолютно безграмотным. Я знал поэта Маяковского, нечто о Пушкине знал, что это великий русский поэт. Единственно, что когда я сидел в одиночке, мне дали Евгения Онегина, у меня память была крепкая, хорошая, я выучил наизусть Евгения Онегина, чем, в общем-то козырял. Но когда я прочитал свои первые стихи Василию Анисовичу Берлицкому в зоне, он что-то сказал мне такое, что-то такое сказал, а сейчас я вспоминаю, так мне стыдно вообще, что я занимал его теми ужасными побрякушками. Вот, почему Миша для меня чрезвычайно фигура важная. И я езжу к нему очень часто в связи с его состоянием: И что будет завтра, меня беспокоит, если я не смогу к нему ездить – кто знает с сегодняшней ситуацией с Латвией.

– Скажите, что в журналах "Пятиречье" и "Тroe" было, кроме стихов?
Ярошенко – В "Тroe" был рассказ Черткова "Строка к песне", о Нарбуте рассказчик, в "Пятиречье" там три рассказика Кузнецова. А всё остальное – стихи.

– Красильников рассказов не писал?

Ярошенко – Никогда он не писал рассказов, я об этом не знаю и думаю, что этого не было, он писал книги-путеводители, то есть

с литературой он категорически покончил в 1958 году, написав стихотворение: Мне кажется, что стены за день

Держать устали груз неловкий,
Над головою перекладины
Всю ночь тоскуют о верёвке,
И всё отчётилее мыслится
Опять как
Меня давно мечтает виселица
По-дружески обнять петлёю.

Это последнее его стихотворение. После этого, когда мы вышли с Лёней, я уже был для Лёни человеком, с которым он уже серьёзно разговаривал. И он говорит мне: "Ты знаешь, Саша, Миша - это уже засохшая ветвь." Речь шла о литературе. Вкус у Михи, конечно, совершенный. А, должен Вам сказать любопытные детали о его эрудиции. В 1957 году был съезд всех коммунистических партий в Москве. Я сейчас не помню цифр, но было названо 96 компартий и примыкающих к ним партий всего мира, названо, скажем, 94, а две не названо. Миха поиграл мозгами и говорит: "Ясно, Фидель Кастро и ещё там кого-то называл, те, кто ещё были засекречены". То есть, вот такие знания у него были. Ещё был Юра Михайлов, о котором Вы знаете, да? Когда я приезжал, я ужасно был недоволен, если я приезжаю, а у Михи в это время бывал Юра Михайлов, потому что у них начинались всякие интеллектуальные игры. Они были в регионе наиболее сложных знаний в политике. Ещё Красильников приезжал, помню такой эпизод: приехал он в Киев, а я Вам сказал, что пили мы всегда и всюду и на всякий случай я скажу Вам такое, что когда в последний раз меня в ГБ дёрнули, весьма сложно дёрнули в 1979 году, я вышел из ситуации. Я говорю: "То, что я вам ничего не скажу, это совершенно ясно, я вас ненавижу самым откровенным образом, звериной ненавистью, но к сожалению ничего против вас не делаю, потому что я алкоголик и бабник, а для того, чтобы удовлетворять эти две свои потребности, я должен был здорово вкалывать. А что я вкалываю здорово, это вы мо-

жете узнать на работе у ~~кого~~ хотите".

- По какому поводу Вас вызывали в ГБ в 1979 году?

Ярошенко - Поводом для этого было то, что после XXIV ли съезда, у меня была бригада людей.

СТОРОНА 2

Я влетаю в кабинет к шефу, не к самому шефу, а к его замещающему и кричу, что в ту пору, на этой вонючей змеиной сходке, имелся в виду этот съезд, этот бровастый гадёныш утверждает, что средняя зарплата в Союзе 203 рубля, мы, высококлассные специалисты, получаем копейки буквально. Действительно, специалисты у нас были высококлассные.

- Причина столкновения была та же, что и до первого ареста.

Ярошенко - Практически да. Это же столкновение могло пройти. Но я абсолютно систематически вёл всегда антисоветскую агитацию. Упрямо, твёрдо, без стеснения, злобно, причём, меня часто за провокатора считали, всегда эти мерзавцы спекулировали, почему я позволяю себе подобные высказывания - и не сидит. То есть, то, что за мной ходили следом постоянно, я в этом не сомневался, особенно хорошо узнал о том, что за мной следом ходят... Когда уехал Виктор Платонович Некрасов туда, я немножко знаком с ним, я встретил одного мальчика: "Ка к дела, как дела!" А я писал такой ^{10%} фантастический роман-сон, то есть, издевательство над действительностью, феерическая штука, в общем, она у меня в целом сохранилась и может быть когда-нибудь доведу её до Рады. Я ему говорю: "Вот "Сон", я десять страниц отправил Виктору Платоновичу Некрасову; вот когда меня дёрнули в 1977, и до 1979 это продолжалось всё. И даже дольше продолжалось. Они дёрнули, чтобы за мной следил один мой товарищ, этот товарищ прибежал ко мне и говорит: "Сашуля, мне нужно за тобой следить, у меня двое детей, помоги!" Я говорю: "Договори

рились - я буду тебе давать некоторые материалы, как будто ты стучишь по-настоящему, а он мне всё рассказывал, что ему говорил следователь. Приходил ко мне и говорил: "Кому ты рассказывал, что ты двести страниц отправил Виктору Платоновичу?" А я же не отправлял. Если я лгал, я один раз лгал. Это была моя тактика, если где-то солгал, это должно быть только один раз. И так легко зацепить - ага, значит, стукач. А дело было где-то в 1972 году. А сам конфликт произошёл. И тут же, как только я это крикнул, я там много рассказывал об орденах Брежнева и так далее. Через полчаса я успокоился.

Меня /Асвестов ?/ бывший, он был когда-то замминистром, потом его оттуда скинули за воровство какое-то, за какие-то махинации с автомобилями. И через много лет он пришёл к нам в КГБ начальником над художниками. Любил себя вести панибратски, типичный такой коммунист, немало страниц дерзких мою сделаны и о нём тоже. Хотя так с ним прекрасные отношения на сегодняшний день. И вот он меня вызывает и говорит: "Саша, я вынужден сейчас же звонить в ГБ, потому /?/ Герасич меня съест, он поспешит раньше сделать, поэтому, ты меня извини, вот я при тебе..." Он при мне звонит в ГБ. Я говорю: "Ну, и бог с ним, так и делай". А в это время меня знакомят с одной женщиной. Врач. Очень привличный врач. Как позже выяснилось, у неё такая деталька была. Она дочь генерала, а родила ребёнка от заезжего итальянца. И они её взяли на крюк. Но в ту пору я этого не знал. Она приходит, меня с ней знакомят. Прекрасная, эрудированная женщина, я с ней разговариваю. Я страдаю язвой желудка. Она говорит: "Саша, я тебя буду лечить". А она туберкулёзами занимается. Так вот, она меня кладёт в больницу туберкулёзную с тем чтобы... делается это вроде как для моей пользы, чтобы меня лечить и так далее. Хотя она очень искренне участвовала. Сейчас у меня с ней никаких отношений, но у моей жены с ней прекрасные отношения.

И она меня вышупывает. А у меня в это время был Солженицын,

"Раковый корпус", кстати книга, которую я не люблю. И в ту пору не любил. Для меня "Раковый корпус" – тот же сюрреализм, только наоборот. Но у меня "Раковый корпус" был. Я и говорю: "Если хочешь, я могу дать "Раковый корпус" почитать. Придёшь к Тамаре и скажешь, это моя жена, в шкафу у дверей, на нижней полке слева стоят два тома", это самострел был, самиздат.

– Вы общались с киевскими диссидентами?

Ярошенко – С киевскими у меня не очень близкие отношения были, я общался с диссидентами – вот с Пустынцевым, Чешковым, то есть, с той старой гвардией. Хотя в Киеве у меня очень много друзей-диссидентов, которые разъехались. В Киеве атмосфера была, особенно среди украинцев очень напряжённая. Я немножко знал Стусса, Плюща немножко знал, очень хорошо знал Шныря, но с ними я меньше общался, потому что духовно ближе я был вот к этой группе людей, бывших комсомольцев, скажем так, и без националистических замашек. Это сейчас во мне кое-как просыпается национальная гордость.

– Украинская?

Ярошенко – Да, безусловно. А так в общем-то я достаточно космополитичен. Да, сейчас тоже.

– А по-украински Вы говорите?

Ярошенко – До сэть гарно. Читаю, говорю, но слышится в моем языке суржик, нет, не суржик, но у меня русифицированный язык. И вдруг – после того, как я сказал этой мадам, прошла буквально неделя или две, происходит такая штука. Она ей отдаёт "Раковый корпус", Тамара бросает в сетку "Раковый корпус", приходит домой и её что-то беспокоит, что-то она зашла, там кто-то был у неё на кухне, у этой женщины. Я не называю имя этой женщины, я итак уже многое сказал. И так слишком много о ней сказано. Она женщина хорошая, она попала просто, такова жизнь была. Тамара почувствовала, что кто-то на кухне есть и именно мужчина, а она не демонстрирует его. А Машенька,

моя младшая дочка, в этот момент была очень больна, и она под Машу бросила сетку с книгами, в кроватку, где спала Маша бросила. И ушла. То есть, она думала, что делать и решила, что там самое надёжное место в случае чего - больной ребёнок.

- Ваша жена была солидарна с Вами во всём этом?

Ярошенко - Всегда абсолютно. И на сегодняшний день она самая страшная диссидентка. Мало того, её отец член партии с 1922 года.

- Как её полное имя?

Ярошенко - Тамара Петровна Ярошенко. Да, так вот раненько утром прилетают три гебиста, пугают мою тёщу, члена партии с 1936 года и кричат: "мы с обыском". А она даже об ордере не спрашивает. Она не могла себе позволить такой широты разговора с КГБ. Летят в аэропорт, хватают тестя, мой тесть весьма почтенный работник аэрофлота, с 1922 года в аэрофлоте, грамм шестьсот орденов, хватают его, чем компрометируют безусловно, тащат сюда. А тут нету, нету "Ракового корпуса". Причём забрали у меня нобелевскую речь Камю, забрали массу моих пописулек разных. А "Ракового корпуса" нет. Тогда один из них говорит: "тогда зови того". Они звонят по телефону, вызывают следующего кагебиста. Тот кагебист говорит: "на шкафу возле двери, с левой стороны на нижней полке". И это слышит тёща. Тамару тоже вызывают: "Где "Раковый корпус"?". Они знают твёрдо, что "Раковый корпус" она взяла вчера вечером. "Никакого "Ракового корпуса" я не брала". А они не хотят сдать стукача. Но сдали тем, что назвали место, с которого взята была книга. Зная мою аккуратность, эта женщина сказала, что эта книга может стоять только там. Где она должна стоять. Потому что действительно у меня с книгами очень жёстко. Дети мои не имели права подходить к книгам. Как стоит, так и должна стоять. Таким образом я определил, что слежка была, а это только повод был, а вообще в этот год очень многих шерстили. Лапина, моего друга очень мучали. У него взяли очень много

плёнок, перепечаток Солженицына, Даниэля и так далее, и так далее. Тогда я сказал товарищу Зубову, а он писал 35-ю статью. Я поехал к Мише. Естественно, вопросы о Михе, о Зуеве, моих друзьях, которые неблагонадёжные. Я хототал, всё это со смехом воспринимал.

Вы знаете, я вчера сказал, что мне было хорошо в зоне. Всё дело вот в чём. Во-первых, я очень оптимистичен. Я был боевой, шустрый, сильный, быстрый, очень крепкий, я спортсмен был. Мелкий рост, но я очень сильненький был. И кроме того, я жил в беспросветной нищете до того. То есть, такая нищета. Для меня праздниками были пайки и так далее. Детские дома я прошёл и прочее, всё это я прошёл в раннем отрочестве. В детстве я воровал лихо, по карманам лазил, очень много получал. Поэтому для меня зона не была ужасной. Все говорят: ужас. А почему я не говорю? Мы не ели мяса. Я его не ел. В зоне я впервые поел мяса. Ели все нормальные люди шоколад. А я впервые. Ананасы, это конечно случайность, Чешкову привезли.

- Почему у вас такой голод был?

Ярошенко - Я без матери, без отца, деревенский мальчик. Они герои отечественной войны и так далее. /Перерыв в записи/

Обстановка общежития, в котором я жил, это двадцать восемь человек в хате, когда я учился. Работать я начал в четырнадцать лет. Как мне сказал начальник по специальности, я должен был быть в будущем локационником, а работал я по ройке траншей под кабель электрический. То что я зарабатывал, уходило на мои... понимаете, в такой ситуации, которая возникает, водка очень рано стала сопровождающей. Хотя пьяницей, пожалуй, я и сейчас не стал. Вот почему я почти всегда был без денег. Потому что когда я зарабатывал, я с первого курса начал работать, с первого курса техникума, с четырнадцати лет, начал работать и зарабатывал деньги. Но я пил иск-

лучительно в компании. Ещё ни разу в жизни не было, чтобы я выпил стакан хотя бы вина сам. Нет нужды. Только в компании. А денег в компании не было. Поэтому я всегда очень много тратил. То есть, я заработал деньги - и пропивал их в какой-то компании, дорогих ребят.

- Как назывался техникум, в котором Вы учились?

Ярошенко - Киевский электромеханический техникум Министерства Обороны промышленности, а потом Авиационной промышленности. КЭМТМАП. Вот я выходил из КЭМТМАПа. Бедного Басова сняли с работы после того, как нас с Антонюком посадили. Антонюк тоже из моего техникума.

- Кто это такой?

Ярошенко - Директор техникума.

- Почему Антонюка посадили?

Ярошенко - Он мой подельник. Мы с ним вместе устроили этот бунт.

Мы вместе с ним поехали, мы были друзьями большими.

- На зоне вы вместе были?

Ярошенко - Вместе, но освободился он чуть раньше. Его на бесконвойку раньше отпустили. /П. в зап./

Я работал в аварийной бригаде. Очень тяжёлая работа. Никита Кривошеин тоже со мной работал. Мы сидели в бараках и в любое время нас могли поднять. Ночью или днём. И пошёл разгружать вагон.

/П. в зап./

Будет время, расскажу этот эпизодик с мёрзлой солью. А то сахар. Есть такие шила, которые проверяют на сырость сахар.

Был там некто Горбатый. Сам с Воркуты. И действительно, немножко горбатенький. И вот я этим шилом, которым проверяют на сырость сахар, надёргаю этим шилом ему килограмма полтора сахара, даю ему сахар. Они же тоже голодные были. Но зато если у нас деньги есть, кинули ему денег - принёс водки, чаек принёс.

А вот на соли у нас был такой эпизод. Никита, Мариан и я, мы были в бригаде. Ещё там эстонец был Луик Антс, мы его звали Антон, кстати, у меня есть его фотография с дарственной надписью, но её расшифровать я не могу, написано на эстонском языке. Мальчик, Ваня мы его называли, тоже эстонец и несколько иеговистов, тоже работающие люди. Никита самый слабенький. И вот, мы соль разгружаем. Ломом бьём, это ужасно. Как кусок льда. Нам нагружали носилки, я просил, чтобы на мою сторону нагружали больше, на его меньше. И вот нам по трапику,,, мы идём, потом передышка, сидим, Никита сидит: "Каждый народ достоин того правительства, которое он имеет." Он же из Франции вернулся. Он родился во Франции и в 1947 году только вернулся по инициативе своего отца, Игоря Александровича Кривошеина, штабс-капитана, врангелевца. И сразу же его посадили. И вот Никита сидит и бурчит от усталости. А Мариан, он такой жёсткий, суровый мужик: "Да заткнись ты, сволочь!" А Никита мой друг. Я говорю: "Борис, ты что!" - "И тебе сейчас достанется!" Это было до того тяжело, что такие благородные люди, как Мариан, как Никита теряли контроль над собой. Хотя иеговисты, те безропотно. И эти эстонцы, тоже безропотно. /Перерыв в записи/

Ожидание освобождения, это достаточно страшная ситуация. Что делать? Кто-то имеет возможность вернуться в семью, это одно положение вещей. А мне некуда возвращаться. Военная специальность, это бесполезная работа. Я военпредам представлял самую засекреченную аппаратуру. Аппаратуру опознавания. Так что было страшновато. Ожидание освобождения и в то же время - надежда, восторг, ведь есть же в себе и какая-то уверенность. И вот я сижу, нас освобождают человек двадцать пять-тридцать, уже я взял пайк на дорогу, уже весь этот пайк съели. Меня всё не вызывают. Я всё жду, жду. Но я Ярошенко, может быть, поэтому. И вдруг, всех вызвали, меня не тронули.

Выходит в это время какой-то: "Ярошенко остаётся до завтрашнего дня. Фотографии нет". Но этот ужас охватил моих друзей и меня, конечно. Тем не менее меня тут же, правда, сфотографировали, и на следующий день я ушёл, меня даже ребята дождались. /Перерыв в зап./
- Скажите пожалуйста об этом ещё раз.

Ярошенко - Я не нуждаюсь в реабилитации и ношу как высшую награду то, что я сидел. А кроме того, я действительно преступник по отношению к ним. Я их ненавидел, был готов их уничтожать. Более того, в молодости, если бы у меня был пистолет, я наверняка бы пару большевиков пристрелил, а это бы уже наверняка преступлением было, в любом понимании. Из чисто политической ненависти. Но это было бы уголовным преступлением. И кроме того. Даже, допустим, не это. Я организовывал забастовку, чего нельзя было, пытался организовать. Я действительно скверно говорил об ихнем вожде Хрущёве; они утверждали, что у них свобода, а я говорил, что у них нет свободы. Они уверены были, что у них свобода, причём, в этом же были уверены 85 % населения, что всё хорошо. И я действительно шёл против народа в таком плане. Другое дело, что попытка организовать забастовку была встречена тоже с опаской. Единственно, чем я их... что я пойду разговаривать к товарищу Быкову, что это скоро решится, я поговорю с ним и всё будет нормально. Мы о реабилитации не помышляли. Большешики скомпенсировать мне не смогут потерянное, а получать компенсацию с этих голодных двухсот миллионов... Мне как-то не... /пауза/ вот если бы американцы мне подкинули бабки за то, что я сижу, у них их много (смеётся).

Миша пальцем не пошевелил, чтобы вы требовать себе реабилитацию, даже если ему за это дадут много тысяч рублей. Точно не пошевелил пальцем. И Антонюк этого бы не сделал. Вот Мариян это сделал. /П.З./

Так вот из этого сборника стихотвореньице:

Был /пот ?/ и было душно очень,
Ломило череп, глаз стонал,

На свежесть ветра в сумрак ночи
Я бросил тело с шатких нар

И хрюп мелодий жутких песен
Без нот, без такта и вне слов

Уплыл, повис вдали над лесом,
На ветках сосен без стволов.

И я в тиши необычайной
Услышал голос самого

Упадший, встань, моё молчанье
Есть оправданье твоего.

* * *

Это было в 1958 году сделанное стихотворение.

- Это Ваше стихотворение в "Пятиречье", да?

Ярошенко - Да, но там много всякого. Сейчас я ещё попробую оттуда вспомнить. Такое вот, фрагмент:

Сорвите штору век с канализаций глаз,
Взгляните в мир открытыми глазами,
Я пролетел над вами двадцать раз
И видел вас...../не помню/
А видели вы то, что видел я,
копаясь в мусоре и в запахах гнилья,
в белье, залитом слизью бурных чувств
и выброшенном высохнуть на куст?

* * *

К сожалению, не помню, нельзя так. Это к моему двадцатилетию написано. "От меня двадцатилетнего", оно называется, это из этого сборника.

Вы степенные, вы хорошие
Степень душ ваших воздухом полнится,
не любите меня, не похожего
Ни на русского, ни на японца,
Ни на негра, ни на янки,
А какого-то ненужного, вывернутого наизнанку,
Кровью хлещущего наружу

...тоненькими канатиками
 я прошил свои двадцать лет,
 а теперь привязывают бантики
 мыслей собственных к зевам газет.
 Не любите меня — ненавидьте!
 Не любуюсь ведь я вами, щупая
 Лишь себя в глубине по наитию
 Я догадываюсь: вы не щуплые.
 Есть задор, есть ведь что от /Родины/
 /Размахнувшись над небом в века ??/
 И дышавший как небо свободою,
 И рубивший сплеча, со скака.
 Не любите меня, уродину, не вместившего неба в горшок,
 Безучасного к вам, как и к Родине,
 С не понятной для вас душой! * * *
 Это двадцатилетний, безграмотный мальчик.

— Вы писали стихи до зоны?

Ярошенко — Те стихи, которые я прочитал Василию Анисовичу Бернадскому мне стыдно вспоминать.

— Это Вам сколько лет было?

Ярошенко — Восемнадцать. А те стихи, которых я вижу беспомощность, но не отказываюсь от них, это в девятнадцать лет. Я влагере чуть-чуть узнал от Черткова и Красильникова, что такое вообще стихи, чем они отличаются от фальсификаций самого бестолкового порядка. Вот так.

— А сколько страниц было в "Пятиречье"?

Ярошенко — Я думаю, страниц по сорок, и там, и там.

— С Вашими иллюстрациями?

Ярошенко — Да, причём должен сказать, что во всяком случае, во втором сборнике, в "Пятиречье" иллюстрации приличные, а совершенно безграмотный мальчик рисовал, иллюстрации там очень приличные. В первом сборнике, там детский лепет, а во втором сборнике приличные иллюстрации. Это тоже достойно внимания.

Интервью с Ярошенко А.Г. взяла С.А.Чуйкина 7-8 декабря 1991)